

РЫНОЧНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ РЕФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ

В.Ф. Байнев,

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, зам. декана экономического факультета Белорусского государственного университета

В 2003 г. в Республике Беларусь разработана и в настоящее время широко обсуждается концепция рыночного реформирования ее электроэнергетического комплекса [3; 10–12]. Данная отрасль традиционно считалась (да и до сих пор считается) естественной монополией, рыночная власть которой основана не на волюнтаристских, политических и иных субъективных факторах, а на естественно-научных законах природы, но проблема смягчения ее монопольного характера до сих пор не нашла своего однозначного решения в экономической теории. Поэтому практической реализации этих реформ должны предшествовать их глубокое теоретико-методологическое обоснование и эконометрическое моделирование с учетом воздействия намеченной трансформации на энергетическую безопасность страны.

Значимость рассматриваемой проблемы многократно усиливается тем, что экономическая и, значит, национальная безопасность современного технологически развитого государства во многом определяется его энергетической безопасностью. В условиях бурного научно-технического прогресса, когда природная энергия все больше и больше вытесняет и замещает в производственных процессах энергию труда человека, многократно повышая его производительность, право обладать и управлять энергетическими потоками однозначно определяет место страны в иерархии технологически и, следовательно, экономически развитых государств. Неслучайно многие войны, случившиеся на планете в последние десятилетия, имеют явно нефтяной «запах» (ирано-иракская, ирако-кувейтская, американо-иракская, чеченская и пр. войны), а США и другие технологически развитые страны заняты вооруженным экспортом «демократии» пре-

имущественно в энергоизбыточные регионы. Эксперты в области энергетики утверждают, что вот уже на протяжении как минимум полувека на планете ни на мгновение не прекращается бескомпромиссная борьба за право владеть и распределять топливно-энергетические ресурсы (ТЭР), которая будет лишь ужесточаться по мере исчерпания природных запасов нефти и других видов органического топлива.

Усиление международной конкуренции за доступ к ТЭР является прямым и, к сожалению, неизбежным следствием обострения глобальной энергетической проблемы (некоторые авторы используют иные термины – «глобальный энергетический кризис», «энергетический голод» и др.), обусловленной рядом таких факторов, как [1; 2; 15]:

- принципиальная исчерпаемость традиционных источников энергии (по оценкам разных специалистов, даже при нынешнем темпе энергопотребления мировых запасов нефти хватит лишь на 20–40 лет, газа – на 30–70 лет, угля – на 70–250 лет, хотя по прогнозам Мировой энергетической комиссии в текущие годы нагрузка на ресурсный потенциал планеты значительно вырастет и за период 1986–2020 гг. составит 390–430 млрд т условного топлива, что соответствует удвоенному значению энергопотребления за аналогичный по длительности предшествующий период 1950–1985 гг.);

- крайне неравномерное территориальное распределение и потребление ТЭР (табл. 1), в результате чего 70% всех энергоносителей потребляют лишь 30% населения планеты;

- негативное влияние энергетики на экологическое равновесие (подсчитано, что энергетика обеспечивает около 40% эмис-

сии загрязнителей всех видов в окружающую среду, более чем в 2 раза «опережая» по этому показателю следующую за ней на втором месте черную металлургию).

Наличие перечисленных негативных факторов в конце прошлого столетия побудило страны Европейского союза (ЕС), а также ряд других технологически развитых государств приступить к реализации беспрецедентных мер по созданию условий для предотвращения усиливающегося энергетического голода. К числу мер, которые в совокупности могут быть рассмотрены в качестве программы международного сотрудничества в энергетической сфере, необходимо причислить такие основополагающие концептуальные документы, как *Европейская энергетическая хартия (1991)* и *Договор к энергетической хартии (1994)*, а также призванные перевести в практическую плоскость содержащиеся в них положения *Директиву ЕС по электроэнергии (1997)* и *Директиву ЕС по газу (1998)* [2; 8; 13; 17]. Данная программа представляет собой систему хорошо продуманных и взаимосвязанных документов, направленных на решение энергетических проблем ЕС и некоторых других энергодефицитных стран (см. табл. 1), в том числе путем обеспечения эффективного доступа к наиболее дешевым ТЭР энергоизбыточных развивающихся стран. В связи с этим к участию в указанной программе, безусловно, планируется привлечь Россию и Беларусь, поскольку первая при населении в 3% общей численности жителей планеты контролирует от 10 до 30% мировых запасов ТЭР того или иного вида и фактически является самой богатой

энергией страной мира [9], а вторая – Беларусь – находится в самом центре Европы и миновать ее территорию при реализации европейской энергетической программы без существенного снижения эффективности последней оказывается принципиально невозможным.

Необходимо отметить, что уже сегодня влияние указанной программы на социально-экономические процессы в странах СНГ огромно, поскольку в переходных к рынку странах определенные, очень влиятельные и, вероятно, неплохо оплачиваемые политические силы упорно и очень жестко лоббируют концепцию реформирования топливно-энергетического комплекса в полном соответствии с положениями вышеперечисленных документов при безусловном примате интересов стран ЕС. Наиболее «продвинутыми» в этом отношении являются рыночные реформы энергетических отраслей России, которая во многом благодаря этому в настоящее время уже является ведущим сырьевым и энергетическим донором мировой экономики. Контуры реформирования энергетики по рецептам ЕС отчетливо просматриваются и в концепции реформирования электроэнергетики Беларуси.

Идея масштабных интеграционных процессов в области энергетики берет свое начало в 90-х годах, когда Нидерланды на совещании Европейского совета выступили с предложением о всестороннем сотрудничестве в сфере энергообеспечения с участием ведущих европейских стран. В декабре 1991 г. на основе этого предложения была подготовлена и принята Европейская энергетическая хартия, в которой декларирована

Таблица 1

Потребление и достоверные запасы основных энергоносителей в некоторых регионах планеты в 2001 г. (доля в мире)

Регион (страна)	Нефть			Газ		
	Потребление, %	Достоверные запасы, %	Отношение потребление/запасы	Потребление, %	Достоверные запасы, %	Отношение потребление/запасы
Европа	21,7	1,8	12,06	19,5	3,1	6,29
США	25,5	2,9	8,79	25,6	3,2	8,00
Африка	3,3	7,3	0,45	2,5	7,2	0,34
Ближний Восток	5,9	65,3	0,09	8,4	36,1	0,23

Источник. Рассчитано автором по [9].

лись стремление присоединившихся к ней государств к совместным действиям в области преодоления глобального энергетического кризиса и готовность участвовать в коллективной подготовке международного договора к этому документу. В настоящее время к Европейской энергетической хартии присоединились 52 государства, включая Россию, Беларусь и другие (в том числе и неевропейские) страны, которые в течение трех лет вели согласование текста Договора к энергетической хартии (в настоящее время этот объемный документ насчитывает 250 страниц текста в восьми частях, 50 статей, 14 приложений, 5 специальных решений, 22 текста разъяснений и 8 деклараций). По состоянию на начало 2002 г. этот Договор подписан 51 страной, включая Россию, Беларусь, Японию, США, Канаду, Австралию и др., и ратифицирован в 44 странах, исключая Россию, Беларусь, США, Канаду и некоторые другие государства.

Ключевые моменты Договора к энергетической хартии (кстати, во многом послужившие причинами его нератификации в 7 странах) сводятся к следующему [8]:

- создание благоприятных (стабильных и прозрачных) условий для инвестирования в сферу энергетики стран-участниц международной энергетической программы, включая государственное поощрение и защиту таких инвестиций;

- обязательство предоставлять иностранным инвесторам режим не менее благоприятный, чем тот, который они обеспечивают своим собственным инвесторам (национальный режим) или инвесторам любого третьего государства (режим наибольшего благоприятствования);

- предоставление инвесторам права найма ключевого персонала по своему усмотрению независимо от гражданства;

- принятие положения о транзите, обязывающего договаривающиеся стороны принимать меры для транспортировки через их территории энергетических материалов и продукции (ЭМП) в соответствии с принципом «свободы транзита», т. е. без различий в том, что касается происхождения, места назначения или владельца таких ЭМП, без дискриминационных тарифов, основанных на таких различиях, а также

без чрезмерных задержек, ограничений или сборов;

- выполнение комплекса экологических мероприятий.

Важное место в программе международного энергетического сотрудничества отводится процессам либерализации и рыночного реформирования электроэнергетики в соответствии с Директивой ЕС по электроэнергии [5; 13; 17]. В связи с этим провозглашенный Республикой Беларусь курс на построение социально ориентированной рыночной экономики и международную интеграцию также объективно требует существенного реформирования всех отраслей ее народнохозяйственного комплекса, включая и такую традиционно относящуюся к естественным монополиям сферу, как электроэнергетика. Разумеется, практической реализации столь масштабного проекта по рыночной трансформации жизненно важной для всей страны отрасли *должны предшествовать глубокое теоретико-методологическое осмысление и тщательное моделирование процесса и последствий такой реформы*. К сожалению, в современной экономической теории отсутствует четкое описание модели рынка электроэнергии и принципов функционирования механизма конкуренции на таком рынке. Пример России, уже более 12 лет активно реализующей рыночные реформы своей электроэнергетики в полном соответствии с предписаниями Всемирного банка и МВФ, а с 1998 г. – программы международного сотрудничества в сфере энергетики, вряд ли может служить теоретическим обоснованием целесообразности аналогичных реформ в Беларуси, поскольку, во-первых, все вышеперечисленные документы нацелены на решение энергетических проблем исключительно их авторов – стран ЕС, а во-вторых, галопирующий рост энерготарифов в России и ставшие обычным явлением энергетические кризисы в ряде ее регионов не позволяют вести речь об эффективности российского энергетического рынка. Кроме того, проводимые с заметным опережением плана аналогичные реформы в странах ЕС также не привели к ожидавшемуся снижению энерготарифов (в отдельных странах наоборот – при прочих равных

условиях цены на электричество заметно выросли) и обусловили возникновение периодических энергетических кризисов. Специалисты отмечают полный крах попытки построения аналогичного рынка электроэнергии и в США [5. С. 79–80; 7. С. 65]. Все это позволило экспертам констатировать, что в сфере электроэнергетики «во всех странах либерализация не принесла заметных выигрышей» [17. С. 289].

В Белорусском государственном университете осуществлен анализ в целом негативных итогов первого (1992–1998 гг.) этапа рыночных реформ электроэнергетики России, связанных с попыткой организации «классического» (в духе неоклассической концепции экономической теории) рынка электроэнергии, а также предпринято теоретическое исследование функциональных свойств новой модели электроэнергетического рынка, вытекающей из положений соответствующей Директивы ЕС [1; 2]. Попытка привнесения конкурентных отношений в сферу электроэнергетической естественной монополии в рамках принятой к реализации в ЕС модели связана с представлениями сторонников ставшей популярной в последние десятилетия Новой институциональной теории (неоинституционализма) об эффективности преодоления фундаментальных недостатков рынка и минимизации транзакционных издержек с помощью нестандартных форм контрактации [14. С. 84].

По мнению ряда теоретиков-исследователей (Дж. Демсец, Г. Стиглер и др.), в некоторых сферах деятельности, прежде всего относящихся к естественным монополиям, где по тем или иным причинам невозможна конкуренция на рынке, ее с успехом может заменить конкуренция за временное монопольное владение рынком. Последняя реализуется с помощью периодических специализированных аукционов, именуемых торгами за монопольную франшизу, которые могут быть рассмотрены в качестве одной из нестандартных форм контрактации. Смысл указанных торгов сводится к тому, что их победителями и, соответственно, временными владельцами рынка становятся те его субъекты, которые предлагают товар по наименьшим ценам [6.

С. 136; 14. С. 87, 517]. Положительно оценивая данный вариант рыночных отношений в электроэнергетике, Г. Стиглер писал, что «потребители могут предоставлять через аукционные торги право продажи электроэнергии, используя государство как инструмент для организации такого аукциона<...> Аукцион сводится к рассмотрению обещаний продавать электроэнергию дешево» (цит. по [14. С. 87]).

Применительно к электроэнергетике торги за монопольную франшизу сводятся к конкуренции производителей электроэнергии за доступ к электрическим сетям на базе аукционов, периодически проводимых специально создаваемой для этих целей организацией – оператором рынка. Последний ранжирует конкурирующих друг с другом производителей электроэнергии по величине энерготарифа и подключает к электросетям только тех из них, кто предлагает свою продукцию по минимальным тарифам. По замыслу реформаторов европейской и российской электроэнергетики, данный механизм конкуренции обеспечивает снижение среднего энерготарифа на отбираемую в сеть и транспортируемую потребителям электроэнергию и стимулирование производителей к снижению издержек производства, т. е. реализацию преимуществ от конкуренции. Для практического внедрения этой модели рынка Директива ЕС по электроэнергии предписывает дезинтеграцию (реструктуризацию) электроэнергетики с целью вычленения из классических интегрированных энергопредприятий электрических сетей и генерирующих компаний, призванных конкурировать за доступ к коммуникациям.

Основные положения Директивы ЕС по электроэнергии, обязательные для участвующих в этом союзе стран и государств, претендующих на вступление в него, сводятся к следующим пунктам, обеспечивающим условия практической реализации базовых положений Договора к энергетической хартии [5; 13; 17].

1. Обязательное требование по реструктуризации функций электроэнергетической естественной монополии и/или ее структурной дезинтеграции. Данное положение обусловлено тем, что традиционные

(классические) энергетические компании наряду с производством (генерацией) электрической энергии параллельно осуществляют и выполнение функций по ее передаче и распределению. Указанное требование означает либо создание на основе каждой энергокомпании как минимум трех самостоятельных (генерирующей, передающей и распределяющей) энергофирм (структурную дезинтеграцию), либо, по крайней мере, организацию раздельного (по генерации, передаче и распределению) планирования и учета деятельности интегрированных энергетических компаний (функциональную дезинтеграцию).

2. Свобода доступа к передающим сетям, подразумевающая предоставление как национальным, так и зарубежным производителям и потребителям промышленного электричества равных возможностей по доступу к услугам передающих энергокомпаний, т. е. требование по установке цен на эти услуги объективным, прозрачным и недискриминационным способом.

3. Требование по либерализации рынка. Данное положение основано на концепции «приемлемого покупателя», под которым понимаются крупные промышленные потребители, имеющие возможность заключать прямые контракты с любыми поставщиками электроэнергии в рамках поддерживавших Директиву стран. При этом составлен жесткий график либерализации электроэнергетического рынка, согласно которому в этих странах до конца 2003 г. в три этапа не менее 33% всех крупных потребителей с электропотреблением свыше 9 ГВт в год должны были стать «приемлемыми покупателями» [17. С. 291].

Смысл перечисленных пунктов Директивы по замыслу ее авторов заключается в обеспечении принципиальной возможности выбора «приемлемым покупателем» в качестве поставщика любого производителя электроэнергии и тем самым привнесения духа конкуренции во взаимоотношения субъектов на европейском рынке электроэнергии. А далее в полном соответствии с представлениями классической и неоклассической концепций экономической теории конкурентные отношения автоматически должны обеспечить эффективное распре-

деление ресурсов в отрасли, что, в конечном счете, создаст объективные предпосылки для снижения тарифов на продукцию электроэнергетики.

Необходимо отметить, что Россия, благодаря жесткому лоббированию концепции реформирования электроэнергетики, изложенной в соответствующей Директиве ЕС, уже успела весьма существенно «продвинуться» и в этом новом направлении, опирающемся на принципиально иную (по сравнению с первым – 1992–1998 гг. – этапом трансформации отрасли) концепцию реформирования. В частности, современная российская электроэнергетика представляет собой совокупность достаточно четко разграниченных сфер деятельности, связанных с генерацией, транспортировкой и распределением промышленного электричества, что вполне соответствует основным положениям Директивы ЕС по электроэнергии (подробнее о структуре современной российской электроэнергетики см., например, в [5. С. 39–44]). Сегодня в России ведутся работы по созданию Федеральной сетевой компании и даже констатируется наличие рынка электроэнергии (через Федеральный оптовый рынок электроэнергии и мощности (ФОРЭМ) реализуется до 40% всей электроэнергии), хотя, по мнению ряда специалистов, «рыночные» отношения на ФОРЭМе сводятся лишь к плановым перетокам промышленного электричества от энергоизбыточных к энергодефицитным АО-энерго по фиксированным ценам [5. С. 43]. Несмотря на наличие «рынка», перебои в электро- и теплоснабжении в последние годы лишь участились, а неуклонный рост тарифов на промышленное электричество является одной из основных причин инфляционных процессов в России и других энергозависимых от нее странах.

Важно пояснить, что Директива ЕС по электроэнергии предоставляет поддерживающим ее странам достаточно богатый спектр вариантов реструктуризации электроэнергетической естественной монополии, которые при игнорировании отдельных деталей принципиально могут быть сведены к двум базовым вариантам – модели «открытого доступа» и модели «единственного покупателя». Так, модель «открытого доступа»

предполагает, что любой производитель электроэнергии вправе заключать прямые контракты на поставку своей продукции с любым потребителем. При этом производителям предоставляется равноправный доступ к принадлежащим передающим энергокомпаниям линиям электропередачи на основе специализированного отраслевого аукциона (данный вариант реструктуризации поддержан подавляющим большинством стран Западной, Центральной и Восточной Европы).

Модель «единственного покупателя» предполагает наличие в стране мощной энергокомпании, владеющей системообразующими и магистральными линиями электропередачи. При такой схеме строения отрасли крупные генерирующие компании (например, АЭС) оказываются «запертыми» в своих энергоизбыточных регионах и потому вынуждены продавать электроэнергию осуществляющей ее транспортировку (в том числе и экспорт в европейские страны) передающей (сетевой) энергокомпании по диктуемым ею ценам. Этот «единственный покупатель», по сути, будет еще и «единственным продавцом», что обеспечит сетевой компании неограниченную монопольную власть по отношению как к потребителям (ситуация монополии), так и производителям (ситуация монополии) электроэнергии. Данный тип «рынка» принципиально нов и еще не исследован в экономической теории, что вызывает потребность в верификации возможности конкуренции в рамках предлагаемой модели. Поскольку ни одна из европейских стран не приняла за основу эту модель, а России не выгоден вариант «открытого доступа», то справедливо предположить, что модель «единственного покупателя» разработана исключительно с целью любой ценой привлечь к решению энергетических проблем ЕС Россию, имеющую в наличии необходимую для реализации описываемой схемы энергокомпанию в лице РАО «ЕЭС России», которая владеет системообразующими и магистральными линиями электропередачи страны.

В Республике Беларусь в рамках выполнения поставленной Правительством задачи реформирования национального энергетического комплекса также разрабо-

тан проект концепции рыночного реформирования электроэнергетики [11; 12], представляющей собой систему взглядов на процесс структурного преобразования белорусского электроэнергетического комплекса «в целях кардинального повышения эффективности отрасли, активного привлечения в нее инвестиций и выхода на мировой рынок на основе обеспечения здоровой конкуренции в сфере производства и сбыта электроэнергии» [12. С. 1]. После рассмотрения данного проекта на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь 25 апреля 2003 г. он был направлен Президенту Республики Беларусь, который с учетом стратегического значения рассматриваемой отрасли предложил провести широкое гласное обсуждение нескольких альтернативных вариантов реформирования электроэнергетики.

Большинство предложенных к обсуждению вариантов связано с отделением деятельности по передаче электроэнергии от сфер ее производства и сбыта. Для этого предусмотрена поэтапная дезинтеграция отечественного электроэнергетического комплекса с целью создания Белорусской сетевой компании (БСК) и так называемого оператора рынка в качестве ключевых элементов рыночного механизма конкуренции производителей электроэнергии (АО облэнерго, ОАО «Белгенерация» и др.) за доступ к электросетям (подробное описание вариантов реформирования белорусской электроэнергетики см. в [12]). Очевидно, что реализуемая в Беларуси концепция реформирования электроэнергетики в целом соответствует характеру аналогичных изменений в России, а также задаваемому Директивой ЕС по электроэнергии направлению трансформирования данной сферы деятельности. Это обстоятельство, безусловно, имеет огромное значение для нашей страны, которая в будущем получит возможность интегрироваться в создаваемую Трансъевропейскую синхронную объединенную электроэнергетическую систему (TESIS) и выступать на европейском рынке электроэнергии в качестве полноправного участника, служа надежным энергомостом между энергодефицитным Западом и энергоизбыточным Востоком.

В то же время необходимо указать, что реализация других, обусловленных конкуренцией преимуществ новой структуры электроэнергетики до сих пор не получила должного теоретико-методологического обоснования. В БГУ произведен теоретический анализ вытекающей из положений Директивы ЕС по электроэнергии новой модели рынка, описанной еще в 1968 г. американским экономистом Дж. Демсецем [6; 14] и сводящейся, как это уже было отмечено выше, к конкуренции производителей электроэнергии за временный доступ к услугам сетевой компании (к линиям электропередачи). На таком рынке конкуренция, создание которой заявлено одной из основных целей реформирования европейской электроэнергетики, в полном соответствии с представлениями классической и неоклассической теории должна обеспечить стимулы к снижению тарифов на промышленное электричество, издержек его производства и, в конечном счете, к повышению эффективности использования ресурсов в отрасли.

Однако анализ, осуществленный нами с позиций неинституционализма, послужившего теоретической платформой для обоснования намеченных в Европе реформ, показал, что *внедрение новой модели рынка в электроэнергетике принципиально не способно обеспечить условия для полноценной конкуренции производителей электроэнергии* и, следовательно, реализовать в данной отрасли заявленные преимущества конкурентного рынка. Основное препятствие на пути возникновения конкурентных отношений на «рынке по Демсецу» возникает по причине описанного О. Уильмсоном явления «фундаментальной трансформации рынка», которое сводится к тому, что в отраслях, где велика доля активов транзакционно-специфического типа (электроэнергетика – именно такая отрасль), первые торги за монопольную франшизу, возможно, и будут конкурентными, однако любые последующие – нет. По данному поводу О. Уильмсон писал, что «наиболее важным параметром при сравнительной оценке транзакций является степень специфичности активов...» После того, как будут сделаны существенные инвестиции в транзакционно-специфические активы, трудно бу-

дет ожидать, что конкуренты смогут соперничать на равных...» Эта фундаментальная трансформация оказывает всепроникающее воздействие на контрактную практику» [14. С. 71, 118–119], ограничивая конкуренцию и снижая эффективность рынка.

Иными словами, проблема заключается в том, что имеющие на балансе большое количество активов транзакционно-специфического типа энергокомпании, проиграв аукцион за доступ к электросетям, не смогут диверсифицировать свою деятельность и потому прекратят ее (обанкротятся). В итоге рынок будет полностью поделен между победителями первых торгов, проигравшие аукцион и не получившие доступ к электросетям компании – ликвидированы, а следовательно, любые последующие торги будут уже неконкурентными. Это означает, что с точки зрения современной экономической теории на «рынке по Демсецу» *устойчивая конкуренция производителей электроэнергии принципиально невозможна* и потому от реализации Директивы ЕС по электроэнергии вряд ли произойдет повышение эффективности использования ресурсов в отрасли. По крайней мере, даже несмотря на то, что большинство стран ЕС выбрало более обширный и быстрый график либерализации рынка электроэнергии, чем это рекомендовано Директивой ЕС, и в настоящее время уже более 65% потребителей промышленного электричества являются «приемлемыми покупателями», эксперты отмечают малую эффективность его функционирования.

Об этом же свидетельствуют и проблемы рыночного реформирования электроэнергетики в России. По результатам проведенного Счетной палатой Российской Федерации в 1999–2003 гг. анализа экономического и финансового состояния предприятий отрасли было признано, что эффективность функционирования интегрированных в единый энергокомплекс страны государственных предприятий отнюдь не ниже, а в ряде случаев даже выше частных (т. е. подвергнутых реформированию и дезинтеграции) компаний [4. С. 8].

Впечатляет провал попытки построения аналогичного рынка электроэнергии в США, где география аварийных отключе-

ний электроэнергетики и кратного роста энерготарифов в целом достаточно точно соответствует территориям штатов, весьма преуспевшим в деле организации либерального рынка электроэнергии [7. С. 59]. Неслучайно во многих переходных странах набирает силу обратный процесс контрреформирования энергетических отраслей. Так, в Мексике в 2002 г. Верховный суд принял беспрецедентное решение о признании «неконституционным» декрет президента страны, разрешающий допуск частного капитала в производство и торговлю электроэнергией. В июле 2004 г. в Боливии был проведен референдум, на котором всенародное одобрение получили предложения правительства о резком усилении государственного контроля и участия в энергетическом бизнесе. Аналогичное разочарование политикой и результатами рыночного реформирования энергетики нарастает и в других переходных странах.

Мы убеждены, что при выработке стратегии и тактики реформирования белорусской электроэнергетики необходимо учитывать как эмпирический опыт аналогичных реформ в других странах мира, так и результаты исследований теоретической модели рынка электроэнергии. Однако на практике ситуация оказывается гораздо более сложной и запутанной по сравнению с описываемой в статье весьма упрощенной теоретической моделью конкуренции энергофирм в рамках отраслевого аукциона за доступ к коммуникациям. Следует принимать во внимание, что многие электрогенерирующие компании являются крупнейшими социально значимыми (нередко градообразующими) объектами, параллельно с электроэнергией производящими и жизненно необходимое людям тепло, которое невозможно столь легко, как электричество, транспортировать из одного региона в другой. Описанные особенности в сочетании с ярко выраженной пиковой загруженностью электроэнергетики создают труднопреодолимые «помехи» «невидимой руке» конкурентного рынка электроэнергии и делают весьма проблематичной реализацию в рассматриваемой сфере описанных в экономике преимуществ от свободной конкуренции. Даже активные сторонники реструктуризации белорусской электроэнергетики вы-

нуждены отмечать, что «нередко возникает сомнение в целесообразности такого реформирования, так как при существующем централизованном управлении режимом работы энергосистемы обеспечивается минимальный расход топлива, т. е. максимальная эффективность ее работы» [10. С. 6], и, следовательно, любая дезинтеграция отрасли ведет к ухудшению экономических показателей ее функционирования.

По нашим оценкам, полномасштабная реализация изложенной в Директиве ЕС по электроэнергии концепции реформирования способна привести (при прочих равных условиях) к повышению тарифов на электроэнергию для промышленных потребителей на 25–30%, а для домашних хозяйств – в 2–3 раза. По крайней мере, страны ЕС весьма активно демонстрируют свою неудовлетворенность по поводу заниженных, с их точки зрения, тарифов на энергию в России, Беларуси и других странах. Особые претензии вызывает в ЕС соотношение тарифов на электроэнергию для отечественных промышленных и бытовых потребителей, которое, согласно требованиям ЕС, должно быть существенно (в разы) изменено в сторону увеличения стоимости электроэнергии для населения на фоне общего роста энерготарифов для предприятий [13. С. 257–274]. На фатальную неизбежность увеличения тарифов в процессе реформ электроэнергетики указывают и высказывания их идейных вдохновителей (А. Чубайс и др.), отмечающих, что в производственной и налоговой сфере при осуществлении реструктуризации отрасли «серьезных проблем не ожидается <...> А вот проблема тарифов гораздо более серьезная <...> масштаб изменений огромен и проблемы неизбежно возникнут» [16. С. 4].

Имеются все основания считать, что истинной целью Директивы ЕС по электроэнергии является не только (и даже не столько) декларируемое ею привнесение конкурентных отношений в отрасль, но и создание предпосылок для подчинения странам, доминирующим сегодня в мировой экономике, каналов доступа (электросетей) к относительно дешевой электроэнергии развивающихся стран (например, в России она в 3–4 раза дешевле, чем в

среднем по ОЭСР [5. С. 46]). Поскольку собственник электросетей является монополистом по отношению как к производителям, так и потребителям промышленного электричества, то насильственно выделяемые в самостоятельные объекты сетевые компании представляют колоссальный интерес для способных платить валютой зарубежных «инвесторов». По замыслу теоретиков реформ, эти стратегически важные объекты в процессе их дальнейшего акционирования при содействии коррумпированных инсайдеров в правительствах переходных стран рано или поздно (и желательно по дешевке) должны попасть в руки западных энергокомпаний, которые получат тотальный контроль над экономиками развивающихся стран и за их счет обеспечат снижение энерготарифов в ЕС. Иными словами, возникнет перекрестное субсидирование принципиально нового типа, связанное с финансированием периферией центра, когда развивающиеся страны (особенно их многострадальное население) окончательно упрочат свое нынешнее незавидное положение финансовых и сырьевых доноров для доминирующих в мировой экономике стран.

Мы убеждены, что проблема рыночного реформирования электроэнергетической естественной монополии по-прежнему ждет своего глубокого осмысления и обоснования с позиций современной экономической теории, которые непременно должны предшествовать любым практическим шагам в данном направлении. При этом экономическая эффективность рыночного реформирования стратегически значимой для всей страны отрасли должна быть убедительно и однозначно доказана, подтверждена моделированием и соответствующими расчетами, а вероятность достижения конкретных (т. е. отличных от общей риторики о достоинствах рынка и конкуренции) экономических результатов реструктуризации необходимо повысить за счет законодательно закрепленного принципа персональной ответственности инициаторов реформ за их итоги (даже если при этом некоторые реформаторы «неожиданно» станут олигархами).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байнев В.Ф.* Реформирование электроэнергетики: теоретический аспект проблемы // Выбранные научные работы БДУ. Т. 3. Мн., 2001.
2. *Байнев В.Ф.* Реструктуризация электроэнергетики Европы в контексте глобальных энергетических проблем // Белорусский банковский бюллетень. 2002. № 5(160).
3. *Булыга Н.Н., Наркевич Э.И., Радюк В.Л.* Реформы должны быть оптимальными // Энергетика Беларуси. 2004. № 2(34).
4. *Воронин А.* Государственное регулирование структурных преобразований в ТЭК в условиях глобализации мировой экономики // Экономист. 2003. № 10.
5. *Газовая промышленность и электроэнергетика: меры регулирования и реформы* // Вопросы экономики. 2002. № 6.
6. *Гальперин В.М., Игнатъев С.М., Моргунов В.И.* Микроэкономика. В 2 т. Т. 2. СПб.: Экономическая школа, 1997.
7. *Губанов С.* Системная уязвимость энергетики США: причины и условия // Экономист. 2003. № 10.
8. *Ершов Ю.А.* Нужен ли России Договор к энергетической хартии? // Внешнеэкономический бюллетень. 2001. № 5.
9. *Мировое производство и потребление энергии* // Белорусский банковский бюллетень. 2002. № 36(191).
10. *Падалко Л.П.* О повышении эффективности функционирования белорусской энергосистемы // Энергетика Беларуси. 2002. № 7(15).
11. *Проект реформирования электроэнергетического комплекса Республики Беларусь* // Энергетика Беларуси. 2002. № 10(18).
12. *Реформа электроэнергетики* // Энергетика Беларуси. 2003. № 9(29).
13. *Стерн И., Дэвис Дж.* Экономическая реформа отраслей электроэнергетики в странах Центральной и Восточной Европы // Экономический вестник (ЭКОВЕСТ). 2001. № 2.
14. *Уильямсон О.И.* Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / Пер. с англ. СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996.
15. *Флейвин К., Дан С.* Создание новой энергетической системы // Состояние мира 1999. Доклад института Worldwatch о развитии по пути к устойчивому обществу. М.: Изд-во «Весь мир», 2000.
16. *Чубайс А.Б.* О концепции реформирования российской электроэнергетики // Энергетика Беларуси. 2002. № 5(13).
17. *Шаттлворт Г.* Либерализация европейского рынка электроэнергии и газа // Экономический вестник (ЭКОВЕСТ). 2001. № 2.

